
И.А.Дергачев

УРАЛ ЛИТЕРАТУРНЫЙ*

Общее народное стремление возможно шире и полнее познать культуру собственной страны в развитии, сохранить в памяти все ее явления, воздать должное не только корифеям, но и безвестным труженикам, вложившим и свой камень в строение храма национальных ценностей, должно определять наше отношение к теме работы, предложенной издательству. Словарь писателей Урала, несомненно, нужен как одно из проявлений того общего движения, о котором я говорил. Он необходим для того, чтобы можно было поставить планомерное изучение литературного процесса в целом, привлечь внимание к незаслуженно забытым именам, дать материал для широкой пропаганды творчества писателей-уральцев в библиотеках, среди членов общества книголюбов.

Литераторы и издательства Сибири могут служить в этом отношении примером. Они по-хозяйски учли все, что было в литературе краев и областей, создали основу для библиографии, выпустили ряд исследований Ю.Постнова,

* Данный материал представляет собой одну из многочисленных разновидностей научно-просветительной деятельности И.А.Дергачева - внутреннюю рецензию на рукопись краткого библиографического словаря "Урал литературный", подготовленную А.А.Шмаковым и Т.А.Шмаковой для Южно-Уральского книжного издательства (г.Челябинск) и опубликованную в 1988 году, что явилось первым изданием в регионе. В работе над всеми предыдущими словарями с более узкой географией (писатели Среднего Урала, Южного Урала, Тюмени, Башкирии и т.п.) И.А.Дергачев тоже принимал, как правило, активное участие или в качестве рецензента, или как научный консультант. Публикуя внутреннюю рецензию И.А.Дергачева, мы надеемся, что многие высказанные в ней идеи и замечания не утратили своей методологической ценности и сегодня и могут быть полезны в многотрудном деле библиографии.

Н.Яновского, В.Трушкина. В Новосибирске вышло три тома "Литературного наследия Сибири".

Самым первым шагом на таком пути должен быть именно тот, который предлагают авторы словаря: установить круг имен, составляющий то, что мы можем назвать литературой Урала.

Работа, начатая авторами словаря (надо это представлять себе отчетливо), очень трудна, на их пути встретится много нерешенных еще задач.

Прежде всего необходимо четко, ясно, однозначно определить, кого же следует считать писателем. Некогда в число писателей включали всех пишущих, печатающихся, независимо от того, в какой области они работают. Следы именно такого широкого понимания слова *писатель* мы встречаем в словаре. Так, включаются фамилии многих журналистов-газетчиков, редакторов газет, авторов заметок или статей по вопросам краеведения (Клер) или народного образования (Н.Мамин). Ясно, что, включая в словарь фамилию Сосновского, бывшего редактором "Уральского рабочего", не выступавшего специально в качестве литературного критика или беллетриста, мы, если быть последовательными, должны назвать всех редакторов областных и республиканских газет Урала, сколько бы их ни было. Если внести в словарь А.И.Александрова, то следует назвать еще много десятков авторов краеведческих книг.

Я полагаю, что необходимо установить ясный критерий отбора: словарь должен включать тех, кто является автором книг художественно-литературных, литературно-критических, литературоведческих. Полагаю, что сюда могут войти имена тех, кто регулярно выступал в дореволюционных газетах с рассказами, художественными очерками, литературно-критическими статьями. До революции газеты были основным пристанищем для литераторов провинции. Думаю, что могут быть включены в словарь и те писатели периода 1917 - 1934 годов, кто не выпустил отдельных книг, но также регулярно печатался в журналах, литературных приложениях к газетам. Для более позднего периода такой критерий должен применяться в виде исключения. С другой стороны, каждый автор книги литературно-художественной, литературно-критической, историко-литературной, даже если она одна, должен быть включен в словарь.

Что касается редакторов газет и других журналистов, я бы включал имена тех, кто сам выступал в жанрах, названных выше, или сделал много для организации литературной жизни, развития литературного движения. С этой точки зрения я считаю совершенно ненужной фамилию И.А.Ефимовича-Мировицкого, но приветствую включение С.Ужгина, И.Алексеева и, разумеется, П.Н.Галина, который был не только редактором, но и автором рассказов, собранных в отдельной книжке, пьес и других произведений. В отношении к редакторам непоследовательность составителей выразилась и в том, что, упоминая некоторых издателей, собственно не принимавших участия в жизни самой литературы, они забыли о М.Басове-Голдберге, который редактировал журнал "Искусство и жизнь" в Перми, сам выступая по вопросам литературы.

Необходимо уточнить и некоторые другие параметры, по которым происходит отбор имен для словаря. Включать или не включать Tobольск и его литераторов? О них говорится в "Истории русской литературы Сибири". Tobольск со своей территорией сегодня не входит в "Историю Урала", подготовляемую УНЦ. В эту же историю входит территория Башкирии до образования автономных республик и не входит после. Если не во всем можно согласиться с решениями историков УНЦ, то и не считаться с ними тоже нельзя, тем более что они опираются на консультации Института истории АН СССР.

Это одна проблема. Другая заключается в том, что включение в словарь имен писателей, родившихся на Урале, но не связанных с ним в своем творчестве, может вызвать законное указание на слишком формальное определение самого понятия *писатели Урала*. С другой стороны, относить к писателям Урала тех литераторов, которые, скажем, как Эренбург, бывали на Урале с какими-то выступлениями и не больше, тоже не очень справедливо. Я понимаю, напомнить о Катаеве, собравшем материал для романа "Время, вперед!" в Магнитогорске, надо. А надо ли вспоминать о приезде Мариенгофа в 1929 году? Все эти вопросы не праздные. Может быть, последовать примеру П.С.Богословского и отделить писателей, которые только краткий период были на Урале?

Почему пребывание многих писателей в годы Великой Отечественной войны на Урале отмечено, а, скажем, Стол-

пьянского, до революции прожившего здесь два года, проходит незамеченным? Необходимо единство подхода, во-первых, и разумное решение вопроса о составе литературы края, объема самого понятия, во-вторых.

В настоящем своем виде словарь также страдает неполнотой. Среди писателей дореволюционных не указаны В.Г.Варенцов (фольклорист, переводчик, жил в Перми в 1845 - 1848 годах), Г.В.Вернадский, С.Н.Наливин, Т.Н.Зубков, А.И.Кронеберг, М.В.Малахов (автор интересных очерков о рабочих, печатавшихся в конце семидесятых - начале восьмидесятых годов XIX века), А.Н.Супонев, М.С.Хлопина и мн. др. Из писателей революционной эпохи неправомерно пропущены А.П.Бибик, Герман (Э.Кроткий), Н.Никитин (автор "Екатеринбургских рассказов", член группы "Серapiионовы братья"), А.Герасимов, сыгравший большую роль в развитии литературы в Свердловске в 1917 - 1920 годах (некролог в 1928 году в "Правде"), Н.Добычин (автор книги, получившей премию Свердловского облисполкома), Б.Гранин, Назаровский и Гинц (авторы многих рецензий, статей и книг о Гайдаре). Из давно работающих забыты Н.С.Толмачева, пропущен В.Артишев. Нет почти половины членов Свердловской писательской организации, а о многих даны куцые сведения, тогда как данные о них получить всего легче. Не проверял, как обстоит дело с полнотой по другим писательским организациям Урала. Думаю, картина та же. У многих уже умерших писателей дата смерти не отмечена.

Непоследовательность в отборе имен приводит к тому, что одни достаточно известные фольклористы указываются, а другие, не менее потрудившиеся, забыты (Кругляшова, Гусев, Зайцев, Китайник; из дореволюционных - Ярков, Марков). Если указывается В.Новиков, доктор филологических наук, родившийся собственно не на Урале, то почему пропускаются такие, как С.Тураев, учившийся в Перми, В.П.Неустроев, преподававший в Свердловском пединституте, или уроженец Урала и преподаватель Свердловского университета (ныне в ИМЛИ) Г.В.Аникин. Если назван Корнаков на том основании, что он окончил Уральский университет, то почему нет А.Лиханова, Ю.Скопа, Ф.Овчаренко? Кстати, забыт Зот Тоболкин, не только воспитанник Уральского университета, но и член писательской организации Тюмени.

Как видно, список, который должен лежать в основе словаря, нуждается в значительном совершенствовании.

Словарные статьи не имеют принципиально необходимого единообразия. Скажем, на одной взятой наугад странице у Гроссмана нет места рождения, хотя у других указывается, у Губарева нет ни места рождения, ни сведений о книгах. Далее, у Б.Дижур не указана первая книга, хотя у других она отмечается. У Даренского приведены детали биографии, у Аношкина чуть не весь послужной список, а у других - ничего. Долинова подается как детский писатель, хотя она уже более известна своими повестями и романами. У одних писателей указывается только год рождения, у других - и точная дата. В одних случаях отмечается социальное происхождение, в других нет. Странными кажутся пропуски в ссылках на источники. Почему-то не указано, что сведения о Татьяничевой можно найти в КЛЭ. (Такие же случаи отмечаются в отношении других популярных источников.)

Для приведения всего в порядок необходимо решить вопрос о форме словарной статьи, о минимуме сведений в ней, о допустимых полезных дополнениях. Во многих случаях не определяются границы творческой деятельности, что особенно важно для писателей XIX - XX веков. Надо решить вопрос о формах дифференциации сведений для уроженцев края, в дальнейшем не связанных с ним, об авторах, писавших об Урале, но не его уроженцах, как это видим в примере с Б.Соловьевым, Л.Рейснер, о тех, кто приезжал на несколько дней, чтобы выступить публично.

Большие сомнения вызывает разделение на два списка. Второй в основном "работает" против автора. В него попадают все, до кого руки не дошли. Нельзя же не знать ничего об А.Коревановой, когда ее архив полностью сохранился, есть подробные автобиографии. Нельзя видеть принципиальную трудность в выяснении некоторых моментов биографии у живых писателей, если они принадлежат к тому же Союзу, что и составители словаря, и заинтересованы в том, чтобы их в словаре отметили. А таких случаев в рукописи не менее сотни. Я понимаю, что в некоторых случаях нам по-иному нельзя поступить. Надо продумать, каким знаком отмечать те фамилии, о которых мы действительно не можем ничего сказать. Не можем не из-за недосуга, а потому что и материалов пока не найдено, и лежат они не на виду. Этот знак будет важен для

краеведов, которые увидят белые пятна в нашей литературной истории, обратят наше внимание на этих людей. Но таких случаев не должно быть очень много. Если их окажется слишком много, это будет свидетельствовать о том, что далеко не вся необходимая работа, предшествующая изданию, была проделана.

Завершая рецензию, хочу еще раз сказать, что подобное издание очень необходимо. Вместе с тем надо отдавать отчет, что основная работа над словарем еще впереди. Она требует коллективных усилий, привлечения материалов всех крупных библиотек зоны. Начинать надо с выработки четких и единых требований: понятие *писатель Урала*, градации в этом понятии, состав словарной статьи, объем и последовательность изложения, библиографическая оснащенность и т.д.

Думаю, что потребности общества в словаре сильнее, чем те трудности, которые надо преодолеть.

А.Ф.Еремеев

ИНТЕЛЛИГЕНТ ПРОВИНЦИИ

1. И.А.Дергачев был человеком многогранным, и можно немало писать о его даре ученого, замечательного лектора, библиофила, консультанта, собирателя и издателя произведений Д.Н.Мамина-Сибиряка, наконец, просто редкостного знатока книги, уральской старины, краеведа и т.п., но все таланты Ивана Алексеевича вряд ли можно даже перечислить.

Быть многогранным и одновременно не расплываться - способность еще более редкая, Дергачев ею обладал вполне. И, мне кажется, обладал, благодаря осознанию своей миссии на земле.

2. Да, я не оговорился, произнеся довольно высокопарное слово "миссия" в наше будничное, не героическое время. Дело в том, что И.А.Дергачев провел всю свою жизнь в провинции. Не просто жил в Екатеринбурге, Висиме или Коптяках, не просто делился с окружающими обширными знаниями, а исполнял некий долг, которому он добровольно взялся служить; без которого душа его была бы неспокойна.

3. Я имею в виду неизбывную активность, то нетерпение сердца, то святое беспокойство, которое никогда не поки-